

STILLP • INT

A MAGAZINE IN THE EYE OF THE STORM

Трансцендентно выйти из заключения

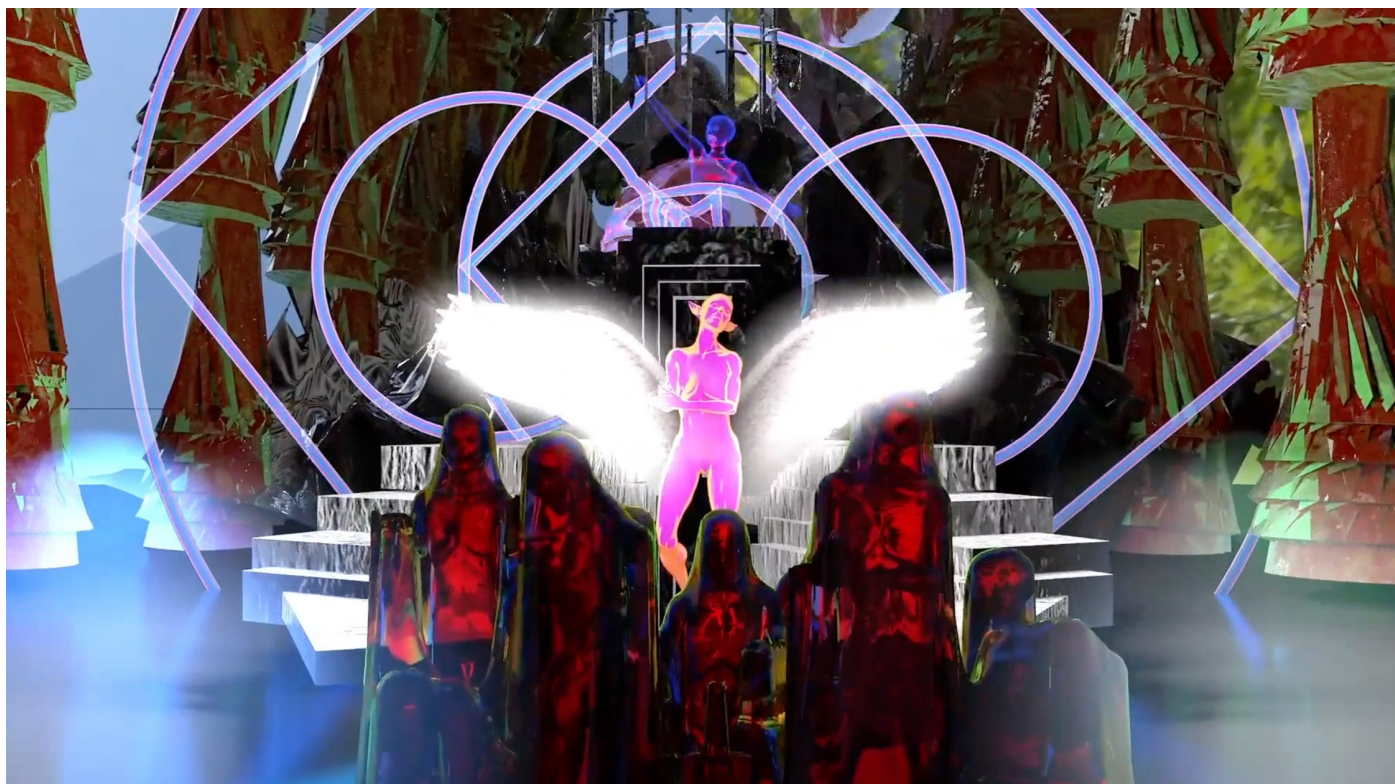
АУилл Андерсон

Аннотация: В данном очерке, находящийся в тюремном заключении мыслитель, писатель и музыкант Уилл Андерсон делится опытом своего заточения в физическом пространстве. Они также размышляют о перекрестном воздействии на свою личность веры в ислам, а также реалий трансгендерного существования. Это воздействие разноплановых факторов помогает преодолевать границы тюремного заключения и уводит автора трансцендентно далеко. В эпоху, когда в обществе с одной стороны происходит формирование коалиций, а с другой наблюдается политическое противостояние сторон, какие могут понадобиться социальные преобразования, чтобы воплотить в реальность идею отмены полицейского аппарата и упразднения тюрем?

В последнее время, мне нравится сидеть со скрещенными «по-турецки» ногами в головах моей нижней полки тюремных нар. В этой замысловатой позе я читаю и пишу, или же доделываю остающиеся мне задания для окончания курса и получения философской степени. Сидеть долго таким образом не особо удобно, и освещения в камере не очень-то хватает. Но все равно, восседать вот так на матрасе несомненно более комфортно, чем на жестком, круглом сиденье из нержавеющей стали, которое выдвигается из стола у противоположной стены камеры. Бывает, что после отбоя, когда все камеры запирают на ночь, я подтыкаю поролоновую подушку к металлическому изголовью кровати, и откидываюсь на нее спиной. Я жду, пока боль в моих стареющих суставах потихоньку отступит, и мерцание дрожащей телевизионной картинки убаюкает меня.

Вчера вечером, например, я перед сном смотрел эпизод документального фильма про Мухаммеда Али, который снял Кен Бернс (Ken Burns) для телеканала PBS. Там рассказывалось о попытках сопротивления Мухаммеда Али американским властям, когда он решал, стоит ли подчиниться призыву в армию и поехать военным служащим во Вьетнам. Также шла речь о том, как религиозное просвещение со стороны движения «Нация Ислама» явилось тогда для Мухаммеда Али подпиткой всей его идеологии сопротивления военной службе, по соображениям совести.

Не успев застать его во время боксерской карьеры, из-за позднего времени моего рождения, я тем не менее обожаю Мухаммеда Али с тех еще пор, как увидел о нем документальный фильм Спайка Ли (Spike Lee) под названием «*When We Were Kings*». А во время просмотра прошлой ночью, моим вниманием особенно завладели воспоминания современников Мухаммеда Али. Они в один голос твердили о его готовности сесть в тюрьму, или даже умереть - вместо того, чтобы изменить своим убеждениям.

Arbitrary Names Can't Define Such Taste (still) - Ben Dawson

Я принял ислам в ноябре 2012 года, где-то в самом начале моего тюремного срока. В большой мере, этому обращению способствовало мое философское осмысление исламской религии. Ведь понятие «ислам» (буквально, «подчинение Воле Аллаха») и понятие «мусульманин» (буквально, «тот, кто подчиняет себя») обретают конкретное значение в зависимости от того, как вы трактуете те силы природы или космологические начала бытия, которые нам решительно неподвластны. Или же, это неподвластные нам культурные тенденции и силы в обществе, где мы появились на свет. Идея «подчинения воле» здесь совсем не означает позицию покорности, но скорее - опыт поиска и признания своей личной цели и места, посреди всех этих сил, которые нам решительно неподвластны.

Я всегда был уверен, что становление «хорошим» мусульманином начинается с осознания таких вот внешних сил, и формирования правильных с ними взаимоотношений. Только в контексте таких отношений вы можете сознательно включиться в происходящее и выбрать, как дальше жить и какой давать ответ обстоятельствам. Возможно, наш ответ внешним силам – это единственное, что нам вообще подконтрольно в какой-либо степени. Тогда, подчиниться – это означает принять жизненный вызов, всецело служа тому, и принимая участие в том, что гораздо больше нас самих. Такое осознанное подчинение становится наоборот свободой. С нею можно противостоять несправедливости, уже не будучи стесненным никакими сомнениями о своей цели и о своем месте в жизни. Просто потому, что несправедливость – это зло, с которым надо бороться.

В комплексе моих понятий о вере, есть определенный урок, который служит мне духовной привязкой. Это концепция мусульманской веры в то, что все мы рождены без греха, когда находились в естественном состоянии Ислама. То есть, мы приходим сюда, будучи полностью свободными от неумолимых последствий, которые влечет за собой само по себе наше существование в этом бренном мире. Это - состояние гармонии, которое еще не отягощено ошибками, совершенными по воле нас самих или окружающих нас. Именно в такое изначальное состояние все мы и стремимся возвратиться. И благодаря этой гармонии в самом начале бытия, невзирая на условия нашей жизни сейчас или на наше душевное состояние сегодня, всех нас можно назвать по сути мусульманами изначалью – даже если мы об этом еще и не подозреваем.

В своей духовной борьбе, Мухаммед Али оказался мишенью для унижений со стороны федеральных властей США. Вначале, его признали негодным к призыву в армию. Но впоследствии кто-то специально заметил гармонию, производимую дарованиями его чернокожего тела, и все широкие возможности, созданные его борьбой. Кто-то смог заметить, что боксер ведет поиски духовной мудрости самой по себе, и ради пользы его же чернокожего сообщества. И только после того, как Али действительно заметили, они и сговорились пересмотреть его годность к военной службе и прибрать таким образом к рукам. У Мухаммеда Али впереди была еще целая жизнь, когда на него ополчились все те внешние силы, которым мы никогда не должны подчиняться. Ведь существуют силы, которые неумолимы по своей архитектуре воздействия на человека. Им мы морально обязаны противостоять, пытаясь изменить их – просто потому, что они являют собой несправедливость.

Быть заключенным в тюрьму решением государства значит быть вовлеченным в такую же борьбу против сил несправедливости. Неважно, мог ли ты содейть что-либо противоправное, и совершил ли что-либо вообще. Что более значимо, неважно и то, идет ли речь о заключении физическом. Ведь мы находимся на стадии перехода между двумя поколениями, когда открытая и официальная криминализация по расовому, гендерному и гомосексуальному признакам сменяется теперь подспудными, внедренными в систему и потому неизжитыми последствиями для этих же групп. Ведь милитаризованное давление на слои общества с черной и коричневой кожей продолжается, якобы с целью взятия под полицейский контроль тех самых наркотиков, которые федеральные власти США сами и ввели в стране – в свое время, путем нелегального ввоза, а ныне - в угоду фармацевтическому капитализму.

При том, что равноправные возможности заключать брак распространились сейчас на некоторые классы лесбиянок и геев, средняя продолжительность жизни в Америке, скажем, для чернокожей трансгендерной женщины, по-прежнему не превышает 35 лет. Все подобные явления обнуляют наш Сизифов труд по ликвидации, как кажется, непреодолимого наследия массового заключения по воле тюремно-промышленного комплекса. Еще во многом сохраняются репрессивные условия, создающие в обществе перманентную прослойку граждан второго сорта. Система продолжает воспроизводить ее из любого, кто когда-либо попадал за решетку - а также из их семей, друзей, их общины и даже всего социума. Математика тут очень простая – отправка за решетку кого-то одного затрагивает всех сразу. И если непонятно, что такое «все» - это включает, в том числе, и тебя самого.

Я появился на свет якобы белым. Я специально пользуюсь словом «якобы», потому что оттенок моей кожи давал мне значительные привилегии – которые я и пытаюсь использовать сейчас, чтобы добиться справедливости и реформ для моих сотоварищей по заточению. Однако же, напрямую отождествить себя с белой кожей означало бы встать на позиции расистской, классовой выдумки. Которую разработали находящиеся у власти, ради эксплуатации намеренно введенных ими в заблуждение людей, в своих гнусных целях. Возможно, вам покажется недалеким мое желание отбросить расовую концепцию в условиях тюремной системы, где все определяется именно расовыми различиями, и где даже моя личная безопасность зависит от подразумеваемой расовой «солидарности».

Но дело здесь в том, что весь тюремно-промышленный комплекс зиждется на поддержании именно таких вот ложных представлений, чтобы искусственно противопоставить одну расу другой.

Нас пытаются отвлечь от простейших истин, которые рано или поздно разрушат всю систему, когда уязвимые места в ее устройстве станут очевидны. Поэтому, встать сейчас под защиту моего белого цвета кожи было бы принятием всего навязанного властями устройства вещей, где буквально всех остальных пытаются держать под сапогом и натравливают друг на друга.

Признавая расу как чисто социальный конструкт, наука уже давным-давно развенчала понятие о генетических различиях между расовыми группами, при этом подтверждая унаследованные многими из них тяготы бедности и окружающих рисков. Иначе говоря, никто уже не может доказать неполноценность какой-либо расы от рождения, но все еще можно пожизненно угнетать наших детей с цветной кожей - отравляя их физическое и социальное окружение, и подвергая их опасности еще до того, как они зачаты в утробе матери. Так и воспроизводится та самая расовая неполноценность, на фоне которой делаются заявления расового превосходства.

Понятие «не-белого» человека в Соединенных Штатах всегда было элементом той системы категорий, которую последовательно создавали белые, охраняя и консолидируя собственную власть. Все «не-белые», то есть расовые меньшинства, были объявлены угнетенным субъектом в обществе, то есть другими по определению. Поэтому для меня, отдавать себе отчет в этой истории, но при этом называть себя «белым» было бы равнозначно участию в насильственном и циничном укладе нашего общества. Даже тот факт, что белый индивидуум обладает самой по себе возможностью отбросить гегемонию и взамен считать себя просто человеком без расовой принадлежности – уже громадная привилегия. Только белым позволено выбирать себе культурные конфликты, в которые вступать. При этом, носить ярлык какой-то другой расовой группы уже означает быть автоматически втянутым в конфликт, в силу оттенка твоей кожи. И если расовый момент надолго закрепился как зло в нашей культуре, он совсем не единственное такое зло.

Я появился на свет, якобы как представитель мужского пола. Я снова пользуюсь понятием «якобы» вот почему. Мой мужской пол при рождении тоже давал мне изначально некоторые привилегии. Но я постепенно ощутил и убедился, что в обществе женоненавистников и противников свободы геев, все мое последующее становление как трансгендера неотвратимо толкало меня к тюремному заключению. Я начал свою жизнь, как субъект государства. То есть, я был отдан на усыновление еще во младенчестве, а затем вскормлен и воспитан приемными родителями. Они были из зажиточного пригорода для среднего класса, традиционной ориентации, не геи, белой расы и христианского вероисповедания. Находясь в отведенной мне роли мальчика, я был эмоционально не в своей тарелке и потому безутешно страдал. Этот ранний опыт сделал меня уязвимым для сексуальных домогательств со стороны более старших мальчиков и девочек. Такое длилось с десяти до семнадцати лет, пока мое сознание выстраивало защитный механизм конформизма, и подавляло мои тонкие эмоциональные проявления вообще.

Мое первое знакомство с тюрьмой состоялось в двенадцать лет. Я замахнулся на приемную мать, а глава семейства в ответ вызвал полицию. Помню целую ночь, которую провел в камере – в полной темноте, изоляции и без единой догадки о том, что предстоит дальше. На следующее утро, я в одиночестве предстал перед правосудием. Судья заручился моими извинениями, а потом дал мне испытательный срок – чтобы государство могло отныне следить за моим поведением. Я мог бы нарисовать здесь всю жизненную траекторию моей тюремной карьеры вплоть до ее высшей точки. Но на данный момент просто скажу, что в той траектории был некий провал – это когда я был еще совсем молодым человеком, и хорошо научился скрывать свои намерения. Благодаря этому, я оставался (якобы) на свободе почти целое десятилетие - пока подсознательное напряжение многих лет, вызванное отрицанием сущности моего пола, не прорвалось наконец наружу. И тогда вся моя нетрадиционная сущность подвела меня, в конце концов...

Большую часть прошедшего десятилетия, которое было проведено в заключении, я пытался осмыслить свою половую идентичность, и связать воедино все поиски моей принадлежности. Я исходил из того, что как бы ни была устроена механика моей личности, ей вряд ли удастся найти свое место в обществе, в самом широком его смысле. Наконец, мне подвернулось под руку исследование "*Captive Genders: Trans Embodiment and the Prison Industrial Complex*". Прочтение

этого труда резко высветило для меня такую реальность: быть трансгендерным – это уже состав преступления.

Так же, как и категория расы, гендерная принадлежность сконструирована на базе специально отобранного идеала, под доминантой которого все остальные оказываются субъектами. Родиться мальчиком и следовать нормам мужского пола – вот самое удобное «по умолчанию» состояние для личности. А, скажем, родиться девочкой и следовать нормам пола женского – уже означает неравноправие в оплате труда, постоянные угрозы сексуального насилия и физического нападения, повышенный риск издевательств со стороны интимного партнера и даже неплохие шансы стать жертвой убийства. Только потому, что ты являешься частью подавленного класса людей. И что же тут можно говорить о положении трансгендеров, с их всегда расплывчатыми и постоянно меняющимися определениями своей половой принадлежности?

По мере взросления, я очень долго не понимал, что значит быть трансгендерным. Такое определение еще не было придумано в мое время. В латинском языке, приставка «транс-» буквально означает «через, по другую сторону, за пределами чего-либо». Мне бы и в голову не пришло тогда вообразить или тем более настаивать на том факте, что я никогда и не являлся обычным «мальчиком». И уж точно, я не был также и «девочкой». В итоге, я просто держал язык за зубами, а моя формирующаяся нетрадиционная сексуальность оказывалась глубочайше подавлена. Формируясь в вакууме, образованном привилегиями белого подростка мужского пола, я изначально принадлежал к указанной категории, но не совсем понимал - по какой же причине. Пытался объяснить свое культурное невежество собственным воспитанием в уединении, а мои правонарушения – плохим выбором, который я сделал, или же влиянием обстоятельств.

Мне потребовалась неутомимая активность и самопожертвование множества других, чтобы довести язык нужного меньшинства до бетонного порога моей тюремной камеры. Когда я выучил этот язык, и понял, куда именно надо смотреть, мне сразу стала очевидной вся бесчеловечная система, которая создана - чтобы ограждать имеющих власть и охранять их от всех, кто вовне. Самая ужасная особенность этой системы – это то, как она обрабатывает нас, отнимая у каждого его истинную сущность. И поскольку мы становимся отрезаны от своей идентичности, мы непременно получаемся отрезаны друг от друга. И наши меньшинства тогда увядают, поскольку путем манипуляций нас заставляют верить, что нас вовсе и не существует как таковых.

Я не питаю себя иллюзиями насчет принципиальной разницы между исторической борьбой за расовое равноправие в этой стране, и борьбой за права трансгендерного меньшинства. Не говоря уже об исторических зверствах геноцида коренного населения на континенте, или же о систематическом объявлении «другими» любых проявлений феминизма. По мере того, как я погружаюсь в историю этих групп населения, мне удается наблюдать, глядя из тюрьмы, интерсекциональность происходящего – то есть, целый клубок взаимообусловленных переплетений. Ведь каждая из этих групп говорит на своем собственном наречии. Например, с точки зрения коренного населения Америки, рассуждать о «других» приходится на языке тех, кто давно находится в порабощении.

Представляя ход моих размышлений как движущийся поезд, я как бы пытаюсь провести нас через насыпь, костыли, шпалы и рельсы, чтобы прибыть наконец на станцию. Где мы нашли бы объединяющее нас понимание «других» форм – по признаку расы, пола, класса, экономического положения, душевного состояния и т.д. Этот список можно продолжать до бесконечности. Нам всегда было предназначено обществом либо следовать норме, либо прятаться, либо попадать за решетку (чаще всего именно эти три варианта) - или же вовсе погибать. Чаще всего, в любом случае встречая преждевременную гибель, будучи уже сломленным и одиноким. Ведь общественная система была изначально спроектирована таким образом, и она продолжает функционировать именно так, как было задумано.

Речь идет о местах заключения, психбольницах, колониях для несовершеннолетних преступников, определении неродных людей для проживания в одном доме, и о полностью запущенной системе воспитания детей в приемных семьях. В их худшем проявлении, угнетению способствуют даже

наши школьные учреждения. Все эти институты для содержания там людей против их воли превращаются в общественные склады, куда определяют на хранение всякого рода ошибки воспитания и продукты социального неравноправия. Такого рода заведения предназначены для тех, кто считается «нежелательным элементом», с точки зрения комфортной обывательской нормы. И мы живем за этой шлюзовой заслонкой, в которой они периодически приоткрывают узенькую щель – но только лишь, чтобы просунуть внутрь побольше новых заключенных. При всем этом, якобы успешно внедренная исправительная политика делает нормой «вертящуюся дверь» рецидивизма. Этому способствует лишение узников экономических свобод, никудашные образовательные программы и неизлечимая психологическая травма от пребывания в заключении самого по себе.

К сожалению, идея «упразднения тюрем» сталкивается с проблемой семантического толка, совсем как было с лозунгом «лишить полицию финансирования». Ведь «лишить финансирования» могло на деле вызвать нехватку средств, чтобы решить проблему как-то получше. Например, посылая по экстренному вызову к разбушевавшемуся душевнобольному специалиста-психиатра. Вместо того, чтобы напускать на пациента вооруженного стража порядка, который не церемонясь запихнет в решетчатую клетку своей патрульной машины. Но неверное восприятие этой идеи некоторыми вызывает у них опасения разгула анархии на улицах и воспоминания о поджоге Третьего полицейского участка в Миннеаполисе. Мой вклад в движение по отмене тюрем никогда не подразумевал, что надо все вокруг запалить и выпустить всех повально наружу. По эту сторону решетки, еще очень много тех, кому в первую очередь необходима наша помощь - перед тем как они будут вообще в состоянии выбраться на улицы и додумаются устроить какие-либо беспорядки.

Мне, как наставнику по программе ликвидации безграмотности для взрослых, доводилось обучать заключенных зрелого возраста, которые едва могли читать. А ведь есть еще многие с тяжелыми душевными расстройствами. Таких считают достаточно «криминальными», чтобы содержать в тюрьме – где ресурсы и без того крайне ограничены. Но, с другой стороны, их считают недостаточно «криминальными», чтобы дать право находиться в медицинском учреждении, где они могли бы рассчитывать хотя бы на курс лечения.

Все мы приучены мириться с определенной долей насилия в обществе. Некоторые из находящихся здесь настолько уже приучены к насилию как первой реакции на любое воздействие извне, что вообще неспособны мирно ладить с кем-то другим в стенах исправительного заведения. Эта агрессия делает невозможным их вовлечение даже в то небольшое количество программ для заключенных, которое предлагается. Подобные личности были бы не в состоянии принять помощь, даже если бы она была с готовностью предложена. Им это просто еще не под силу. Поэтому, совсем нелогично предполагать, что усиление страданий, вызванное временным помещением людей в исправительные институты, достигнет чего-то иного, помимо усугубления уже существующих душевных проблем.

Такие «наихудшие» случаи представляют собой общественные язвы, которые проявляются в индивидуальных вариациях. Как общество вместе взятое, мы просто обязаны разобраться в неудачах наших членов, чтобы отыскать и опробовать возможные варианты решений. Вместо этого, происходит размывание той черты, которая отделяет понятие о необходимой охране правопорядка от намеренного создания угнетенных классов, которые сформированы и подавлены ради нормативного комфорта остальных. В результате, над обществом царит атмосфера всеобъемлющей угрозы, которую ощущают на себе буквально все.

Мой близкий друг, который отбывал наказание в одной камере со мной, однажды заметил, что большинство людей совсем не представляют себе, что значит находиться в заключении. Для большинства, все происходящее здесь является абстракцией, своего рода «местом, куда помещают всех нехороших». Представляя себе жизнь в тюрьме подобным образом, они упускают из вида понятие о формировании общественного субъекта. Он возникает еще задолго до того, как государство наложит на свой субъект санкции, которые неотвратимо приведут многих в тюремное заключение.

Поскольку в функции любого государства входит осуществление контроля над обществом, создание регулирующих рамок, само по себе, не вызывает споров. Но регуляция и контроль всегда порождают несправедливость там, где очевидно неравенство одних перед другими, и какой-то один класс получает предпочтение или же защиту, за счет других классов общества. И потому, для понимания сегодняшней тюремной системы в нашей стране необходимо осознать вот что. Когда государство оказывается неспособным обращаться со всеми гражданами одинаково справедливо, оно начинает избегать необходимых шагов для решения проблемы и тем самым уходит от ответственности за созданное им самим неравноправие.

А белое население, и его мужская часть в особенности, является классом, по контрасту с которым и формируются все остальные, то есть подчиненные классы общества. Белые мужчины испытывают на себе регулирование их жизни со стороны государства примерно так же отдаленно, как большинство членов общества представляют себе реалии тюрьмы – то есть, не более, как абстракцию. Иначе говоря, поскольку в их случае государственное регулирование призвано охранять статус-кво «белой привилегии», для этих членов общества регулирование попросту невидимо.

Подобным же образом, зажиточные классы полностью довольны той ролью, которую играет государственное регулирование в их коммерческих успехах и вообще в способах контроля над обществом. Только лишь, общество это выросло на постыдном моральном наследии, исповедующем геноцид. Существование в шкуре «другого» - это отнюдь не абстракция. Быть другим означает конкретно осязаемое существование в роли субъекта регулирования (читай, криминализации) со стороны государства. Государства, у которого самая излюбленная стандартная реакция во всем арсенале методов – это тюремное заключение.

Итак, что же мы подразумеваем, рассуждая об «упразднении»? Как активист движения за социальную справедливость и за универсальное равенство человеческих прав, я много времени провожу в исследованиях глубинных причин неравенства в американском обществе. Но гораздо больше времени я провожу, прямо испытывая на себе все результаты упомянутого неравенства. Потому что я - отбывающая наказание трансгендерная личность, которая не следует традиционному понятию пола. Меня беспокоит, что же случится со всеми нами, если мы попросту закроем тюрьмы, чтобы заработать «очки» в своей идейной борьбе. Если активисты не сумеют продумать далеко вперед все последствия для мира от упразднения тюрем, нам стоит ожидать мощной негативной реакции.

Вот что мне кажется с этой наблюдательной точки, то есть с точки зрения активиста в заключении, испытывающего на себе всю инертность борьбы за общественную справедливость. Тот импульс, который задали протесты, связанные с убийством Джорджа Флойда, видимо уже сменился паузой, взятой для передышки. Признание общих целей позволило нам обменяться комментариями и начать говорить на языке друг друга. Начать понимать, каким образом угнетение личностей и меньшинств должно быть устранено. При этом, по примеру Мухаммеда Али, гордившегося своими дарованиями и не замалчивавшего свою чернокожесть, надо признать: любой такой протест оказывается на виду у всех.

Быть на виду – это значит, чтобы тебя заметили, и речь здесь не только о союзниках, но также и о недоброжелателях. Помимо откровенно расистских и фашиствующих групп, которые выступают против перемен, ведь есть еще масса частных лиц и общественных институтов, которые получают выгоды от угнетения других, пусть и не осознавая того. Каждый, кто раньше не был готов признать несправедливый порядок вещей и свое в нем участие, теперь ломает голову - где же его место в назревающем конфликте, и есть ли оно вообще. Теперь, когда они нас замечают все больше и больше, каков будет их ответный ход?

Тем временем, будет уже неважно, что именно делает тебя другим на их взгляд. С точки зрения государственного строя, основанного на тюрьмах, тебе причитается тюремная клетка уже в силу самого твоего существования, подозреваешь ли ты об этом или еще нет. Когда ты осознаешь эту печальную истину, и ощутишь что-то щемящее в груди от этого прозрения - это и будет проверкой

правоты твоих убеждений. Они заставят все твое тело действовать, чтобы встретить лицом к лицу те вещи, с которыми необходимо бороться и осуществлять перемены, во имя справедливости.

И тогда, есть ли возможность пробиться насквозь и выйти с другой стороны, то есть уже в мире, где не существует тюремное заключение?

Во-первых, существует возможность контроля над своим нарративом. Например, очень важно, что мне удалось написать этот личный очерк, находясь в заключении. Так же важно, что журнал *Stillpoint* существует, и предоставляет нам платформу для публикации наших идей. Но важно и то, что мне пришлось сочинять этот очерк на специальном семидюймовом планшете, который произведен для нужд заключенных. Каждая буква была набрана на нем без помощи программы для обработки текста, затем были отправлены десятки электронных сообщений издателям, и каждое было оплачено особыми цифровыми «марками», которые используются в тюрьме для связи с внешним миром.

Затем, многие часы были проведены мною в разговорах с издателями, путем телефонных звонков, которые надо оплачивать поминутно – потому что регламентирование моих средств связи в тюрьме не позволяет пользоваться обычной электронной почтой и общими документами в режиме онлайн. Свобода слова в заключении якобы есть - но ее всегда регламентируют, и еще извлекают из этого коммерческую выгоду. И без молчаливого согласия и помощи извне, голоса находящихся в тюрьме попросту не будут услышаны. Вдобавок, мне приходится всегда следить не только за тем что я говорю, но и как я это говорю.

Когда делишься своим нарративным опытом, это создает общее восприятие твоих переживаний многими другими. Возникают группы единомышленников-других, и они вырастают в целые сообщества. Такие сообщества способны, используя принципы равного вовлечения всех, произвести парадокс и - трансцендентно преодолеть границы субъектности как таковой. А отсутствие понимания о том, как государство формирует субъект с его угнетенными классами, мешает разным сообществам прийти к соглашению относительно нынешнего их положения. Не говоря уже о тяжелом наследии нашего общества, и разговорах о том, что с ним предстоит делать.

Вдобавок, надо осмыслить ту роль, которую играет заключение в тюрьму для поддержания угнетения масс. Было бы недостаточно взять и закрыть исправительные заведения, и отдать высвобожденные этим средства на организацию более эффективных решений. Ведь тюрьмы, по своей задумке, служат определенной цели, которую выбрало коллективное сознание нашей нации. Тюрьмы не только создают физическое разграничение между опасным и безопасным, с точки зрения большинства. Кроме того, стены и проволока проводят границу между тем, что надо и что не надо включать в полноправное общество. В конце концов, это такие особые места, в которые отправляют всех «нехороших».

В рамках существующей социальной конструкции, формирование подчиненного субъекта порождает целый ряд классов, специально обозначенных как «другие». Это может быть по признаку расы, пола, сексуальной ориентации и т.д. Привилегированные же классы используют механизмы исключения вовне, чтобы гарантировать себе самим власть, деньги или даже нечто настолько основополагающее, как самоидентичность и принадлежность к группе.

В целях поддержания подобной иерархии привилегированных, все угнетенные классы требуется куда-то убрать. А отправка в тюрьму обслуживает этот процесс расслоения - при помощи присвоения судимостей и постановки на учет. То есть фактически перманентно воспроизводя граждан второго сорта, исключенных из общества. Если бы не существовало тюремное заключение ради этих целей, то обществу пришлось бы искать другие пути решения застарелых проблем, связанных с неравенством, предрассудками и даже геноцидом.

И это подводит нас к вопросу о сплочении общества. Вместо того, чтобы консервировать всех неугодных в тюрьмах и подавлять этим последствия коллективного кризиса идентичности, общество могло бы взять курс на сплочение разных его частей. Оно могло бы помочь просвещению

и активному вовлечению всех слоев, чтобы давно возникшие трения, вызванные социальным неравенством, нашли свое решение. Это позволило бы сознательное признание достоинства каждой личности в любой социальной прослойке. И способствовало бы полному участию каждого из нас в общественных делах – в силу того только, что перед вами живой человек. Такой духовный посыл обязательно опишет полный круг, и рано или поздно втянет в себя и тех, кто еще думает опираться на существующие классовые различия, поддерживаемые для их собственной выгоды. Ведь общество, которое не нуждается в защите элиты, провозгласившей всех неугодных «другими», обязательно утратит и нужду в создании клеток с решетками - будь то физических или иносказательных.

Предстоит непростая работа по распутыванию целого наследия ненависти и насилия, которое лежит у самых корней нашего трудноизлечимого социума. Но эту работу можно начать, просто изучая несколько новых значений для слов, которыми мы описываем разных людей. Общий язык, который разделяют угнетенные классы, может постепенно преобразоваться в язык общенациональный - то есть проходящий через разные культурные слои. На таком вот языке, новый нарратив будет озвучен и передан по цепочке, через мост к следующим поколениям. И на том новом рубеже, можно будет поставить себе на службу интерсекциональный клубок переплетений - чтобы на том этапе актуализировать другое общество, на основах справедливости и равноправия.

Уилл Андерсон, февраль 2022 г.
Исправительное учреждение Фарибо, штат Миннесота

Использованные автором документальный фильм и исследование:

Muhammad Ali. Directed by Ken Burns, Sarah Burns, and David McMahon, PBS, 2021.

Stanley, Eric A., and Nat Smith, editors. *Captive Genders: Trans Embodiment and the Prison Industrial Complex*. AK Press, 2010.
